

— Однако мы не собирались всё время сидеть в деревне, ограничиваясь купанием да сбором грибов, а я ещё рыбалками и почти ежедневными выпивками. Ведь - рядом Горный Алтай, Телецкое озеро.

— - Надо съездить, - агитировала Сашенька, - а то ты тут совсем сопьёшься!

— На почве моих выпивок у нас с Сашулей здесь в деревне возник однажды серьёзнейший конфликт. Как-то вечером уже и гости разошлись, а я с бабками всё никак не мог уgomониться. Перебрали мы все трое изрядно, бабе Дусе аж плохо уже стало. Сашуля несколько раз призывала меня закругляться и ложиться спать, на что я поначалу никак не реагировал, а потом нагрубил: отстань, мол, иди сама, куда знаешь. Сашуля обиделась и со слезами ушла в наш чулан, а я ещё продолжал веселиться с бабками. Наконец, и они улеглись - баба Феня на кровати, баба Дуся на полу, с чего-то мы хохотали, не могли остановиться, хотя баба Дуся при этом ещё и стонала - перепила, и её мутило, а я лез к ней обниматься и предлагал пойти на двор и поблeвать вдвоём.

— В чулане я обнаружил, что Сашуля не спит ещё, заливаясь слезами. Я стал просить прощения, потом домогаться близости, не замечая её отвращения..., в общем, вёл себя как свинья нажравшаяся. На следующий день мы выясняли отношения, но до конца их так и не выяснили, хотя Сашуля и отошла немного. Больше всего её оскорбил мой грубый пьяный окрик. Я оправдывался тем, что в пьяном виде только хуже становлюсь, когда меня одёргивают, надо было оставить сразу в покое и не обращать внимания, я бы и сам уgomонился. А когда меня осаждать начинают, дух противоречия разыгрывается во мне со страшной силой, и я становлюсь уже почти неуправляемым.

— - Нечего вообще тогда пить, - отвергала мои оправдания Сашенька.

— - Но я ведь не безобразничал, пока ты меня не стала одёргивать, просто веселились с бабками, что уж и поржать нельзя?

— - Тебе веселье, а мне смотреть противно.

— - Ну, и не смотри.

— - А куда же я денусь? Ты же мой муж всё-таки.

— Попрепиравшись таким образом, мы кое-как помирились. Я признал свою вину и обещал больше не напиваться и не хамить.

А до этого была прекрасная поездка в Белокуриху - курортное местечко в предгорьях Алтая. В Белокурихе жили в собственном доме родственники - родители Вовки, мужа Сашенькиной троюродной сестры Галки, внучки бабы Вари - сестры бабы Фени и бабы Дуси, жившей в Кемерово. Вот к ним в гости мы и отправились втроём - я, Сашуля и баба Феня. У бабы Дуси болели ноги, и она осталась дома. В Белокурихе гостили два дня. Там как раз оказался Вовка, наш ровесник, врач-стоматолог, отдыхал дома в отпуске без жены. Я вообще-то с ним уже был знаком. Они с Галкой как-то приходили в общежитие на Добролюбова, когда мы с Сашенькой жили уже в своей, отдельной 50-й комнате, но Сашеньки тогда не было. Наверное, это было осенью 1965 года, когда я жил в Ленинграде один, а Сашуля с Иринкой были в Тейково. Вовка с Галкой посидели у меня полчаса, порасспрашивали про нашу жизнь, потом ушли, и я про них не вспоминал даже. А вот теперь от Вовки я узнал, что им тогда негде было остановиться в Ленинграде, а у меня они постеснялись попросить помощи с устройством. Сам же я не догадался, олух, их спросить - есть ли у них хоть где ночевать.

Не в пример мне Вовка оказался очень гостеприимным, причём не в обычном для здешних мест смысле - он практически не пил, а устроил нам с Сашулей чудесные экскурсии по окрестностям Белокурихи, выступая в качестве гида. В первый день мы прошли, а лучше сказать, преодолели несколько километров по речке Белокурихе, настоящей горной речке, узкой, но бурной, заваленной огромными камнями, по которым мы вдоволь напрыгались и налазались. Крутые склоны распадка, по которому течёт

Белокуриха, поросли гигантскими кедрами и пихтами, а под ними - гигантских, соответственно, размеров папоротник. Вот это уже можно назвать Алтаем, тайгой, какими они представлялись мне в детстве по читанным книжкам, с такими вот местами я связывал прежде всего профессию геолога, которым так и не стал, хотя на самом деле это лишь только начало собственно Горного Алтая, предгорье, причём обжитое, курортное место. А вот и бурундучок - полосатая спинка! Сидит на камне, а камень сбоку от тропы на уровне моей головы, столкнулись нос к носу. Испугался? Шмыг - и нет его.

Вовка и Сашенька на Церковке

А на следующий день мы совершили восхождение на самую высокую гору окрестных мест - Церковку. Восхождение - это, конечно, слишком громко сказано, гора-то высотой

километра полтора, и лезть надо хоть и по крутой местами, но надёжно протоптанной туристами тропе. И тем не менее, прогулка эта доставила нам большое удовольствие. Лезешь, лезешь, обернёшься, а Белокуриха - посёлок всё меньше и меньше становится. А когда мы прошли уже по самой вершине, то впереди открылись просторы настоящего Горного Алтая, настоящие горы, но до них было далеко, не одну такую Церковку сначала преодолеть надо.

— На вершине Церковки мы полазали по странным нагромождениям огромнейших каменюг, каких-то скорее округлых скал, чем валунов, некоторые из них похожи на гигантские каменные грибы, потом перекусили, выпили немного бальзаму, который взял с собой Вовка, и к вечеру только спустились обратно.

— Судя по фотографиям, которые я снимал на Алтае, в Белокуриху мы ездили из Бийска ещё до того, как перебрались в Енисейское, потому что есть снимок, где на пароме (через Бию в Енисейском) сняты обе бабушки, Сашуля, наши чемоданы и Вовка. Он из Белокурихи поехал с нами навестить бабу Дусю и пару дней побыл в Енисейском.

На пароме через Бию у Большого Енисейского (Вовка, Сашенька, баба Феня, баба Дуся)

(продолжение следует)